

Типография и Хромоэлектротипия А. Траншели, Стражицкая, № 12.

У 226
2526

ЕЛКА

И

СНѢЖНЫЙ БОЛВАНЪ

ИЗЪ СКАЗОКЪ АНДЕРСОНА.

СЪ РИСУНКАМИ

Р. К. ЖУКОВСКАГО.

ИЗДАНИЕ

МАРИИ ЖУКОВСКОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія А. Траншеля, Стремянная улица, № 12.
1873.

Дозволено Цензурою С.-Петербургъ. 3 ноября 1874 года.

43177-44

ЕЛКА.

Въ лѣсу росла маленькая, хорошенькая елочка. Стояла она на прелестномъ мѣстѣ. Кругомъ ея росло много товарищей: маленькихъ елей и сосенъ. Солнце грѣло ее, воздуху было тамъ вдоволь. Глядя на большихъ, ей очень хотѣлось-бы вырасти, чтобы поравняться съ ними.

Она съ нѣжностію слухала болтовню крестьянскихъ дѣтей, собиравшихъ землянику и чернику. Не разъ случалось, что они, набравъ полную лукошку черники и земляники, садились у маленькой елочки для отдыха и низали ягоды на соломинки.

Разъ какъ-то, кружась около нея, они замѣтили ее: — „Ахъ, какая хорошенькая, маленькая елочка! вскричали дѣти. Елка чуть не заплакала смолистыми слезами отъ слова „маленькая“: ей хотѣлось быть большой.

На слѣдующій годъ деревцо выросло на одно колѣно; тамъ чрезъ годъ, еще на одно;—по числу колѣнъ всегда можно узнать, сколько дереву лѣтъ.

— „О, Создатель, если-бы я была такимъ-же большимъ деревомъ, какъ другія!—думала елка, вздыхая, я бы протянула свои вѣтки далеко кругомъ себя, а вершиной выглядывала-бы на широкій свѣтъ. Птицы свивали-бы гнѣзда на моихъ вѣткахъ, а отъ вѣтра я-бы также важно кивала головою, какъ тѣ высокія ели!“

Такъ жаловалась елка. Ее не радовали ни солнечный свѣтъ, ни птички, ни розовыя облака, которыя утромъ и вечеромъ тянулись по небу.

Настала зима. Кругомъ, на сколько она могла видѣть, все было покрыто сверкающимъ, бѣлымъ снѣгомъ. Пробѣгалъ иногда зайчикъ и каждый разъ, какъ-будто нарочно, перепрыгивалъ черезъ маленькое деревцо. О, какъ ей было досадно, что такой трусливый звѣрекъ прыгалъ черезъ нее! Но прошли двѣ зимы; въ третью елка стала такая большая, что зайчикъ долженъ былъ обходить кругомъ.

— „Ахъ! какъ-бы поскорѣе вырасти,—думала елка,—и сдѣлаться большимъ деревомъ; вѣдь лучше этого ничего нѣтъ на свѣтѣ“.

Зимою пріѣзжали дровосѣки и срубали нѣкоторыя большія деревья. Они пріѣзжали каждый годъ, а моло-

дая елка, которая уже такъ выросла, что понимала бѣду, всякій разъ содрогалась при видѣ, какъ большія, прекрасныя деревья съ шумомъ и трескомъ падали на землю; люди обрубали у нихъ вѣтви, и прямыя деревья во всю свою длину лежали обнаженными, такъ что ихъ нельзя было узнать. Потомъ ихъ клали на роспуски и лошади увозили ихъ изъ лѣсу. Раннею весною, когда прилетѣли аисты и ласточки, елка ихъ спросила, не знаютъ-ли они куда повезли эти деревья?... что съ ними будетъ?

Ласточки ничего не знали, но аистъ задумался на минуту, кивнулъ головою, захолопалъ длиннымъ своимъ носомъ и отвѣчалъ елкѣ: „Да, я знаю. Я встрѣтилъ много кораблей, когда летѣлъ сюда изъ Египта; на корабляхъ этихъ были длинныя величественныя мачты; судя по запаху, это были сосны“.

— „Ахъ, какъ я желаю быть большою! я-бы поѣхала также черезъ море. Расскажите мнѣ пожалуйста, что-жъ это такое море и каково оно на видъ?“

— „Слишкомъ долго объ этомъ рассказывать,“ — сказалъ аистъ, и полетѣлъ прочь.

— „Радуйся своей молодости, свѣжести и росту!“ — говорили ей солнечные лучи, и вѣтеръ поцаловалъ деревцо; слезы росы тихо закапали на нее, но она не поняла этого.

Передъ праздникомъ Рождества пріѣхали люди и срубили множество молодыхъ елокъ, которыя были моложе или одинаковаго роста съ нашей елкой; она не знала ни покоя, ни отдыха, а только и думала о томъ.

какъ-бы ей выбратся изъ лѣсу. Но на этотъ разъ были срублены самыя хорошенькія елочки. Вѣтокъ ихъ не трогали, а осторожно уложили на возы, и увезли изъ лѣсу.

— „Ахъ, куда-же это ихъ увезли?—спрашивала елка.— Вѣдь онѣ не больше меня; одна была даже несравненно моложе? и почему у нихъ не обрубили вѣтокъ?“

— „Мы знаемъ куда, мы знаемъ!—чвиркъ, чвиркъ!“—
зачирикали воробы: „ихъ увезли въ городъ, ихъ тамъ ожи-
даетъ такое великолѣпіе, что рассказать трудно. Мы видѣли

черезъ окна: онѣ стояли въ теплыхъ комнатахъ, увѣ-
шанные яблоками, пряниками, игрушками, золотыми орѣ-
хами и сотнями зажженныхъ свѣчей!“

— „Ну, а потомъ?—спросила елка и затрепетала всѣми вѣтками,—а потомъ, что съ ними сдѣлали?“

— „Потомъ, потомъ... мы ничего не видали, но это было отлично!“

— „Ахъ, хоть-бы скорѣе пришло Рождество! можетъ быть и меня постигла-бы такая-же блестящая участь,—лепетала елка.—Это было-бы лучше чѣмъ ѣздить по морямъ. Теперь я такая-же большая и прямая, какъ тѣ елки, что были увезены изъ лѣсу въ прошломъ году. Ахъ, какъ-бы я желала быть на возу, и уѣхать въ городъ: тамъ-бы меня тоже поставили въ теплой комнатѣ во всемъ блескѣ и великолѣпіи! А потомъ?... потомъ, вѣрно будетъ еще лучше,—иначе зачѣмъ-бы стали люди такъ украшать меня? А тамъ впереди, навѣрно, что-нибудь еще гораздо лучше! Какое мученіе стоять здѣсь!.. нѣтъ конца томленію!.. сама не знаю, что со мною дѣлается?“.

— „Наслаждайся нами!—сказали ей воздухъ и солнечный свѣтъ;—радуйся своей свѣжей молодости и свободѣ!“ Но елка не радовалась, росла и росла; зиму и лѣто стояла она зеленая; видѣвшіе ее люди восхищались ею, и говорили: „Прекрасное деревцо! Кому-то достанется оно на Рождество?“

Наконецъ настало роковое для елки Рождество. Ее первую срубили. Топоръ глубоко врѣзался въ самую сердцевину. Со стономъ упала елка на землю, она въ первый разъ почувствовала такую страшную боль и безсиліе, что была не въ состояніи думать о счастіи ее, ожидающемъ; ей было грустно разставаться съ родиной, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она выросла; она знала, что никогда болѣе не увидитъ ни своихъ товарищей, ни маленькихъ

кустовъ и цвѣтовъ, которые росли кругомъ ея, ни даже зайчика, который такъ весело прыгалъ черезъ нее, ни маленькихъ птичекъ, которыя часто садились на ея вѣткахъ.

Но елка опять пришла въ себя, когда ее привезли съ прочими деревьями на большой дворъ, гдѣ она слышала, какъ человѣкъ, увидѣвшій ее, сказалъ: „Вотъ елочка, такъ елочка! дивное, превосходное деревцо попало, намъ такое и нужно!“ Онъ схватилъ ее поспѣшно съ возу и внесъ въ большую, прекрасную залу, по стѣнамъ которой висѣли дорогія картины; около пылающаго камина, въ большихъ китайскихъ вазахъ, возвышались искусственныя пальмы; тутъ были и качающіяся стулья, шелкомъ обитые диваны, большіе столы со множествомъ игрушекъ и книжекъ съ картинками, стоящихъ сотни-сотенъ талеровъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорили дѣти.

Елку поставили въ ящикъ наполненный пескомъ, но никто не узналъ-бы, что это такое; ящикъ обили зеленымъ сукномъ и поставили на большой пестрый коверъ. Елка трепетала отъ радости! „Что-то будетъ!“—думала она. Между тѣмъ люди принялись украшать ее. На однѣ вѣтки они повѣсили вырѣзанныя изъ разноцвѣтной бумаги сѣточки съ конфектами, а вызолоченные орѣхи и яблоки какъ будто выросли на ней. По вѣткамъ налѣпили болѣе сотни красныхъ, бѣлыхъ и голубыхъ свѣчей. Куклы, чрезвычайно похожія на людей — какихъ елочка никогда не видывала — стояли на вѣткахъ. Высоко, на самомъ верху прикрѣпили звѣзду изъ фольги. Все это было необыкновенно красиво.

— „Сегодня вечеромъ— говорила веселая хозяйка до-

ма—засіяешь ты, зеленая елочка! какая будетъ радость дѣтямъ!“

— „Ахъ, если-бы ужъ былъ вечеръ!—думало дерево;

поскорѣй-бы зажгли свѣчи! Что-то будетъ?... Не придутъ-ли деревья изъ лѣсу посмотрѣть на меня? Воробьи навѣрно прилетятъ къ окнамъ. Пожалуй, я приросту здѣсь

и буду зиму и лѣто стоять разукрашенная. Ахъ! это было-бы недурно, но у меня порядочно разболѣлась

кора отъ томленія, а эта боль для дерева такъ-же мучительна, какъ для человѣка головная боль.

Вотъ наступилъ вечеръ: зажгли свѣчи. Что за великолѣпіе! и елка озарила всю залу своимъ блескомъ, и

съ радости такъ затрепетала всѣми вѣтками, что одна свѣчка упала на коверъ и порядочно опалила его.

— „Господи, помилуй и спаси насъ! Воды! кричала; няня, но хозяйка хладнокровно затушила огонь.

Отъ страху, елка не смѣла и не могла пошевелинуться: она такъ боялась потерять что-нибудь изъ своихъ украшеній. Весь этотъ блескъ ослѣплялъ ее.

Но вотъ двери растворились настежъ, и толпа дѣтей ворвалась въ залу;—казалось, что они опрокинутъ елку. Старшіе, важно улыбаясь, шли за ними. Дѣти сперва остановились передъ деревомъ и онѣмѣли отъ удивленія, но это было только на минуту, а потомъ они зашумѣли снова, такъ что въ ушахъ затрещало. Они принялись танцовать кругомъ елочки, и одинъ подарокъ за другимъ срывали съ нея.

— „Боже мой! что они дѣлаютъ!“—думала елка. „Что-же еще будетъ?“

Свѣчи, между тѣмъ, догорѣли до самыхъ вѣтокъ, послѣ чего ихъ потушили, и дѣтямъ позволено было обождать елочку. Тогда они бросились къ дереву какъ лютые звѣри! Отъ страху дерево какъ въ лихорадкѣ тряслось и трещало. Не будь оно прикрѣплено верхушкой къ потолку, его бы непременно опрокинули.

Дѣти со своими великолѣпными игрушками прыгали, шумѣли и уже не обращали вниманія на елку; добрая няня хотя заглянула между вѣтокъ, — но только за тѣмъ, чтобы посмотреть, не осталось-ли тамъ еще забытой конфетки, ягодки или яблока.

— „Дядя! милый дядя, скажи сказку!“—закричали дѣти

хоромъ и потащили къ дереву маленькаго, толстенькаго человѣчка, и посадили его подъ самую елку.

— „Ну вотъ мы въ зелени“, — сказалъ онъ, — „и деревцо можетъ извлечь особую пользу изъ того, что услышитъ. Я расскажу только одну сказку; которую хотите: про Иведе-Аведе, или про Клумпе-Думпе, котораго сбросили съ лѣстницы, а онъ потомъ достигъ почестей и женился на принцессѣ?“

— „Иведе-Аведе!“ — кричали одни. — „Нѣтъ, Клумпе-Думпе!“ — перебивали другіе; отъ шуму и крику, елка могла-бы съума сойти, если-бы у нея были уши; она только думала: „неужели я останусь въ сторонѣ и не приму въ этомъ никакого участія?“ Но ею уже не занимались; она доставила то, что отъ нея было нужно.

И такъ, человѣкъ принялся рассказывать про „Клумпе-Думпе“, котораго хотя и сбросили съ лѣстницы, но онъ достигъ почестей и женился на принцессѣ. Дѣти хлопали въ ладоши и кричали: „рассказывай-же, рассказывай!“...

Елка стояла неподвижная и думала: „птички въ лѣсу, никогда не рассказывали ничего подобнаго“.

— „Клумпе-Думпе сбросили съ лѣстницы, а онъ все-же женился на принцессѣ! — да, да! вѣрно такъ всегда на свѣтѣ бываетъ!“ — думало дерево, воображая, что все это правда, когда рассказывалъ такой милый господинъ. — „Пожалуй, кто знаетъ? можетъ, и меня бросять съ лѣстницы и мнѣ достанется принцъ!“ — И дерево просто-душно радовалось тому, что завтра будетъ опять стоять разукрашенное свѣчами, игрушками, позолоченными орѣхами и фруктами.

— „Теперь я смѣла! я не буду дрожать, какъ въ первый разъ!—думала елка—Я вполнѣ радуюсь своему великолѣпію... Завтра я услышу отъ кругленькаго чело-

вѣка исторію про „Иведе-Аведе“... И тихая, задумчивая елочка простояла всю ночь въ ожиданіи: что будетъ? Но утромъ рано въ залу пришли лакеи съ горничной и

потащили ее изъ комнаты прочь... по лѣстницѣ, на чердакъ и тамъ поставили въ самомъ темномъ углу, куда не проникалъ солнечный свѣтъ.

— „Что это значитъ?—думала елка—что я буду здѣсь дѣлать, что услышу?“ и она, приставленная къ стѣнѣ, думала, думала... Проходили дни и ночи; никто не являлся, а если кто приходилъ, то затѣмъ только, чтобы поставить въ уголъ какой нибудь хламъ или ящикъ, и дерево совсѣмъ заставовили; казалось, о немъ совершенно забыли.

— „Теперь зима на дворѣ,—думала елка;—земля замерзла и покрыта снѣгомъ, а потому люди не могутъ меня посадить въ землю; поэтому я и должна оставаться до весны на этомъ мѣстѣ. Какъ это хорошо придумано! Какъ люди добры!... Но затѣмъ они меня поставили въ темноту? Здѣсь ужасно скучно! Сюда не заходитъ лучъ солнца, нѣтъ даже маленькаго зайчика, который перепрыгивалъ черезъ меня, когда я была маленькой, но тогда я не могла переносить этого!... а, вѣдь, какъ было мило въ лѣсу, когда снѣгъ лежалъ кругомъ, а зайчикъ скакалъ мимо меня... Вррь!... какое здѣсь страшное одиночество!“

— „Пи, пи!“ запищала маленькая мышка, и выбѣжала изъ норки, а за ней другая. Онѣ обнюхали елку и проскользнули между ея вѣтками.

— „Фи! какъ здѣсь холодно! — сказали маленькія мышки;—впрочемъ, здѣсь хорошо! не правда-ли, старая елка?“

— „Что? старая? Я вовсе не старая!—сказала елка.—много есть елей несравненно старше меня“.

— „Откуда ты?—спрашивали мышки:—что ты знаешь? (мышки очень любопытны). Пожалуйста, Расскажи намъ про самое лучшее мѣсто на землѣ! Была-ли ты въ амбарѣ, гдѣ лежатъ мѣшки съ крупною? Была-ли ты въ чуланѣ, гдѣ сыръ лежитъ на полкахъ, а на потолкѣ виситъ ветчина? Тамъ можно прыгать по сальнымъ свѣчамъ; взойдешь туда худымъ а выйдешь толстымъ.“

— „Нѣтъ, не была—сказала елка,—но я знаю лѣсъ: тамъ свѣтитъ солнце и птицы поютъ!“ И она рассказала имъ про свою молодость. Мышки, выслушавъ рассказъ елки, признались, что онѣ никогда ничего такого не слыхали. — „Ахъ, какъ ты много видѣла! Какъ ты была счастлива!“—сказали мышки.

— „Да, въ самомъ дѣлѣ, это были веселыя времена для меня!“ И елка рассказала о канунѣ Рождества, когда она была разукрашена свѣчами и разными лакомствами.

— „О!—пропищали маленькія мышки:—какъ-же ты была счастлива, старая елка“!

— „Я вовсе не стара!—возразила—елка; меня недавно люди взяли изъ лѣсу, и поэтому ростъ мой остановился.“

— „Какъ ты хорошо рассказываешь!“—сказали мышки. И въ слѣдующую ночь онѣ привели съ собою еще четырехъ мышенятъ, которымъ тоже хотѣлось послушать елку. Чѣмъ больше елка рассказывала, тѣмъ яснѣе припоминалось ей прошедшее, и она думала: „то было вполнѣ счастливое время!... но оно можетъ прійти опять; Клумпе-Думпе былъ сброшенъ съ лѣстницы, а все-таки женился на принцессѣ.“ При этомъ елка вспомнила о хорошенькомъ дубкѣ, что росъ тамъ

въ лѣсу; онъ былъ для нея дѣйствительно прекраснымъ принцемъ.

— „Кто это Клумпе-Думпе?“—спросили маленькія мышки. Елка рассказала имъ всю сказку; она ее помнила до послѣдняго слова; а мышки были такъ довольны, что отъ радости прыгали до самой верхушки дерева.

Въ слѣдующую ночь пришло еще больше мышей, а въ Воскресенье пришли даже двѣ крысы; но тѣ нашли, что сказка нехороша, это смутило маленькихъ мышекъ; и онѣ сами стали менѣе дорожить сказкою.

— „Это очень жалкая сказка!—сказали крысы; не знаете-ли вы какой-нибудь были про сальныя свѣчи и сало?.. Какой-нибудь буфетной исторіи?“

— „Нѣтъ, не знаю!“—отвѣчало дерево.

— „Такъ вы знаете только одну эту сказку?“

— „Только эту,—отвѣчала елка;—я слышала ее въ самый счастливый вечеръ моей жизни; тогда я не понимала, какъ я была счастлива!“

— „Ну, такъ прощайте!“—сказали крысы и воротились въ подвалъ къ своимъ.

Маленькія мышки тоже ушли, и елка грустно вздохнула при мысли: „и мышки меня оставили; а вѣдь какъ было мило, когда эти проворные звѣрки садились вокругъ меня и слушали мои рассказы!.. Теперь и это минуло!... Ну полно грустить“—утѣшала себя бѣдная елочка: „теперь стану думать о той минутѣ, когда меня унесутъ отсюда“.

Была уже весна на дворѣ, когда однимъ утромъ пришли люди и принялись убирать чердакъ; они отодвинули

ящики, вытащили елку и бросили ее очень небрежно на полъ; одинъ изъ прислуги потащилъ ее по лѣстницѣ, куда проникалъ дневной свѣтъ.

„Ну, вотъ, опять начинается жизнь—подумала елка, почувствовавъ свѣжій воздухъ и увидавъ солнечные лучи. Ее вынесли на дворъ. Все это случилось такъ быстро, что деревцо не могло опомниться; кругомъ было на что посмотреть: дворъ примыкалъ къ садику; тамъ все цвѣло; свѣжія пахучія розы глядѣли сквозь маленькую рѣшетку; цвѣли яблони, и ласточки летали кругомъ: „квирре-фирре-фитъ!“—раздавалось въ воздухѣ.

— „Вотъ я начинаю опять жить!“—радовалась елка и хотѣла широко протянуть свои вѣтки; но увы! онѣ уже высохли и пожелтѣли, и сама она лежала въ углу, среди крапивы и сорной травы. Только золотая звѣзда на верхушкѣ ея сверкала еще на яркомъ солнцѣ. На дворѣ рѣзвились знакомые ей мальчики, которые плясали вокругъ ея на Рождествѣ, и какъ тогда они радовались ею, а теперь!... Вотъ, одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ ней, уперся въ нее ногою и оторвалъ послѣднѣе украшеніе: золотую звѣзду.

— „Посмотрите, что еще осталось на старой дрянной елкѣ!“—вскричалъ онъ, при чемъ такъ наступилъ на ея вѣтки, что онѣ затрещали. Елочка посмотрѣла на цвѣтущій садъ и на себя, и ей опять захотѣлось стоять въ темномъ углу на чердакѣ, гдѣ маленькія мышки такъ весело слушали сказку про Клумпе-Думпе.

— „Прошло! все прошло! — подумало деревцо. Ему вспомнилась его свѣжая молодость въ лѣсу и веселый Рождественскій вечеръ. — „Ахъ, еслибы я тогда умѣла ра-

доваться, но увы, все прошло!...“ Тутъ пришелъ дворникъ съ топоромъ, положилъ деревцо на пень и изрубилъ его въ куски, потомъ сложилъ въ связку и унесъ въ пивоварню.

Ярко запылала елка подь большимъ пивоварнымъ котломъ; она глубоко вздыхала, и каждый вздохъ ея былъ маленькій выстрѣлъ; дѣти, услыхавъ этотъ трескъ, прибѣжали, усѣлись передъ печкой и радовались, какъ елочка горѣлаи трещала: „пифъ! пифъ!.. пафъ! пафъ!..“

Потомъ дѣти побѣжали въ садъ поиграть въ солдатики; на груди у самаго младшаго изъ нихъ блестѣла та самая звѣзда, что была на елкѣ въ самый счастливѣйшій вечеръ ея жизни.

Тотчас же встал, все промолвил... Тут привнес двор-
ник с топором, положить дров на печь и взо-
даться его в кухню, потому стояла в сених и убо-
го пиновали.

Рядом стояла еще одна большая пиновали,
которая: она того же размера, и такая же
отличия имелись между ними, убогая стола треска
продолжалась, убогой перед в развешен, как
стояла торжественно: «вот! вот! вот!»
Потом так подвину в сени, повисать в сени
там: на полу у сених мантии, на них висели в
сених висели, что было на сених в сених сених-
ничей в сених в сених.

СНѢЖНЫЙ БОЛВАНЪ

СНѢЖНЫЙ БОЛВАНЪ.

— „Вонъ! вонъ!“ лаяла старая цѣпная собака на снѣжнаго болвана.

— „Чего ты злишься?“—спросилъ снѣжный болванъ.

— „Какъ тутъ не злиться!—Вишь какой несносный холодъ“,—ворчала собака.

— „Напротивъ! что можетъ быть пріятнѣе мороза, который щемить мое тѣло до того, что я слышупріятный трескъ въ моихъ безсуставныхъ членахъ возражалъ снѣжный болванъ. Вотъ вѣтры мнѣ докучаютъ, отъ нихъ мнѣ дѣлается тошно и я скоро худѣю. А эта противная, красная, пучеглазая образина, она ужасаетъ меня своими калеными иглами. При видѣ ея я потѣю отъ страха. Ахъ, какое ужасное мученіе перенесъ я сегодня! за что она меня терзаетъ? смотри, полъ шкуры сняла она съ меня!“—Это онъ говорилъ про солнце, которое только-что начинало опускаться за горизонтъ.

Солнце сѣло, а на мѣсто его въ голубомъ воздухѣ поднялся мѣсяцъ, круглый, свѣтлый, чудесный!

— „Ахъ, смотри! вонъ оно поднялось опять съ другой стороны! въ ужасѣ сказалъ снѣжный болванъ.

— „Эхъ! эхъ!“ какой-же ты необразованный снѣжный чурбанъ: принялъ луну за солнце!“ Вотъ что значить, неучъ, тьма!—подумала собака

— „Однакожъ, что это значить? что сдѣлалось съ пучеглазымъ?... бѣльма что-ли затянули ему зрачки: онъ такъ пасмурно смотритъ на меня,—видно ему совѣстно стало обижать меня. Ну, пусть онъ себѣ тамъ виситъ да свѣтитъ кому угодно, я самъ бѣлый и могу себя видѣть даже въ темнотѣ.—Однако-жъ, какая скука стоять на одномъ мѣстѣ, и какъ это дѣлается, чтобы сойти съ мѣста?...“

— „Эй ты! воу-воука! ходячая тварь, чего дерешь попусту горло, слышь! мнѣ хочется знать, какъ это дѣлается, чтобы сойти съ мѣста? Мнѣ очень захотѣлось двигаться! Если-бы я только могъ двигаться, я-бы те перь пошелъ кататься по льду тамъ внизу, съ этими школьниками, которые поминутно падаютъ. Вотъ-тѣ на!... одинъ ужъ себѣ и носъ разквасилъ; что это у него за красная вода течетъ изъ носа?“

— „Это кровь!—отвѣчала собака;—я знаю кровь, я не разъ пускала кровь тѣмъ мальчишкамъ которые меня дразнили, когда я была въ барскихъ покояхъ. За то я теперь на цѣпи! — проворчала собака и залаяла:— „Вонъ! вонъ! Вишь какъ я охрипла, ужъ не могу болѣе выговорить какъ слѣдуетъ: вау! вау!... Ты хочешь бѣгать? а вотъ погоди, солнце скоро тебя научить, и ты побѣжишь туда, гдѣ мальчики катаются по льду; я уже это

видѣла въ прошлую весну, и раньше того, какъ твои сродники убѣгали въ русло, я имъ въ слѣдъ кричала вонъ! вонъ! и они убрались вонъ.“

— „Погоди! ты говоришь, что тотъ, который вонъ тамъ наверху плаваетъ, научить меня бѣгать? правда, онъ давеча убѣжалъ, когда я смотрѣлъ на него пристально, а теперь опять лѣзетъ съ другой стороны“.

— „Ты ничего не смыслишь!—отвѣчала цѣпная собака,—и не диво, тебя смастерили-то недавно. Этотъ, что ты видишь тамъ на небѣ, это мѣсяцъ, а тотъ, который снялъ съ тебя полъ шкуры и ушелъ, это было солнце; завтра оно опять придетъ; ужъ оно тебя научить какъ сбѣжать внизъ въ канаву... Охъ! скоро будетъ перемѣна погоды: я ужъ слышу это по своей задней лѣвой ногѣ: когда у меня ноетъ и болить, погода должна перемѣниться, это — вѣрно!“

— „А, я начинаю тебя понимать! Ты намекаешь на эту штуку, что днемъ сняла съ меня шкуру и научить меня бѣжать? О! я предчувствую что-то недоброе; неужто оно хочетъ моей гибели?“

— „А ты, болванъ, думаешь весною, лѣтомъ и осенью здѣсь стоять? Вонъ! вонъ!—лаяла цѣпная собака, повернувшись три раза вокругъ самой себя, и заползла въ свою конуру спать.“

Къ утру погода въ самомъ дѣлѣ перемѣнилась. Сырой туманъ покрылъ вокругъ все предметы, такъ что изъ будки цѣпная собака не видѣла снѣжнаго сосѣда своего; потомъ задулъ пронзительный вѣтеръ и разогналъ туманъ. Вслѣдъ за тѣмъ снѣжный болванъ

показался и улыбнулся собакѣ, что значило: доброе утро—Барбось, непродрогшая собака отъ сырой стужи и холода ворчала. и дѣлала гимнастическія упражненія.

Взошло солнце и настала прелестная погода. Деревья и кустарники были покрыты инеемъ, они походили на кораловый лѣсъ, и, казалось, были унизаны сверху до низу сверкающими бѣлыми цвѣтами. Многочисленные и тонкія вѣтки, скрытыя лѣтомъ подъ густотой листьевъ, всѣ теперь были на виду. Онѣ своею сіяющей бѣлизною походили на кружевную ткань; съ каждой вѣтки лилось сіяніе. Плакучая береза покачивалась отъ вѣтра; казалось, въ ней была жизнь какъ во всѣхъ деревьяхъ лѣтомъ. Это было чудесно! А когда блеснуло солнце, Боже мой! какъ тутъ все засверкало и засіяло, точно будто брилльентовая пыль играла на всемъ; по снѣговому ковру сіяли большіе алмазы, а между ними горѣли безчисленные мелкіе огоньки ярче самаго бѣлаго снѣга.

— Молоденькая пансіонерка прибѣжала въ садъ съ молодымъ юношею; они остановились недалеко отъ снѣжнаго болвана и любовались, глядя на сіяющія деревья.

— „Это чудо какъ хорошо! Лѣтомъ не увидишь ничего лучше этого!“—говорила она, и глаза ея блистали радостью.

— „Да, и такого дурака, какъ вотъ этотъ, конечно, не увидишь лѣтомъ“,—отвѣчалъ молодой студентъ, указывая на снѣжнаго болвана.— „Онъ просто безподобенъ!“—

Молодая дѣвушка засмѣялась, кивнула головкой снѣжному болвану и пустилась плясать со своимъ пріателемъ

по снѣгу, который хрустѣлъ и скрипѣлъ подъ ихъ ногами; потомъ они скрылись въ домѣ.

— „Кто эти двое?“—спросилъ снѣжный болванъ у цѣпной собаки,—„ты дольше меня живешь на здѣшнемъ дворѣ, не знаешь ли ты ихъ?“

— „Знаю-ли я этихъ двухъ? вафъ! вафъ!... какъ не знать? Она меня всякій день гладитъ по головкѣ, а онъ всегда бросаетъ мнѣ говяжью кость. Зато я ихъ обоихъ не кусаю, я помню добро!“

— „Да кто-же они такіе?“—спросилъ снѣжный болванъ.

— „Влюбленные господа!“—сказала въ отвѣтъ собака. Они хотятъ поселиться вонъ въ этой хижинѣ и будутъ вмѣстѣ глотать кости. Эхъ! вонъ вонъ!“

— „Какъ! развѣ они такія же созданія, какъ мы съ тобою?“—спросилъ снѣжный болванъ.

— „Мы?... ты всего-то безъ году только недѣлю живешь на свѣтѣ. Молчи лучше и не спрашивай. Съ тобою трудно говорить, снѣжная голова, я это вижу. Я всѣхъ знаю въ здѣшнемъ домѣ; было времячко, когда я не лежала здѣсь на холоду да на цѣпи. Вонъ! вонъ! бурр... какъ холодно!“...

— „Славный холодъ! я веселъ, когда холодно“—говорилъ снѣжный болванъ. — „Разсказывай, разсказывай пожалуйста! только не греми такъ цѣпями; меня просто передергиваетъ, и тѣло мое сыплется, когда ты это дѣлаешь“.

— „Такъ слушай же... Вонъ! вонъ!“—залаяла цѣпная собака:—„Когда я была маленькимъ щенкомъ, тогда я

лежала на бархатномъ стулѣ тамъ на верху въ хозяйскомъ домѣ и часто валялась на колѣняхъ у самой госпожи; мнѣ говорили тогда: какая хорошенькая собачка! Цаловали мордочку и лапки вытирали вышитымъ батистовымъ носовымъ платкомъ; звали меня: Ами! милый Ами!душка Ами! Но когда я стала для нихъ, тамъ на верху, слишкомъ велика, меня подарили ключницѣ. Я перешла въ подвальный этажъ. Ты можешь съ своего мѣста заглянуть въ комнату, гдѣ я жила барыней. Правда, это мѣсто было похуже того, что наверху, но мнѣ оно приходилось больше по нутру; тутъ меня безпрестанно не теребили дѣти. Кормили меня такъ-же хорошо, какъ на верху, даже еще лучше! У меня была своя собственная подушка; тамъ тоже стояла печка; вотъ уже въ такое холодное время лучше ея ничего нѣтъ на свѣтѣ! Я забиралась бывало подъ нее, когда была поменьше ростомъ. Ахъ! она и до сихъ поръ мнѣ иногда снится. Вонь! вонь!...

— „Развѣ печка въ самомъ дѣлѣ такъ красива?“—спросилъ снѣжный болванъ.— „Похожа-ли она на меня?“

— „Совсѣмъ наоборотъ! Она черная какъ воронъ, у ней шея съ мѣднымъ барабаномъ. Она столько ѣстъ дровъ, что у нея изорту пышетъ огонь. Надо держаться отъ нея въ сторонѣ, а то пожалуй опалить шерсть. Вотъ тебя, болвана, она можетъ мигомъ превратить въ чистую воду“.

— „Скажи, Варбось, отчего-же ты оставилъ это дивное созданіе?“ (Болвану казалось, что печь должна быть существомъ женскаго пола!) „Какъ-же ты могъ разстаться съ такимъ мѣстомъ?“

— „А вотъ какъ это случилось: я укусилъ младшаго дбарченка въ ногу за то, что онъ отпихнулъ отъ меня кость, которую я глодалъ. И такъ, кость за кость! Меня выгнали за дверь и привязали вотъ тутъ на цѣпи. Да, видно на меня за это очень разсердились, потому что съ тѣхъ самыхъ поръ я все здѣсь, и голосъ даже потерялъ; слышишь, какъ я охрипъ: вонъ! вонъ!... Я больше не могу говорить, какъ всѣ другія собаки: вафъ! вафъ!...

Снѣжный болванъ пересталъ уже слушать рассказъ собаки; онъ все смотрѣлъ въ нижній этажъ, въ комнату, гдѣ жила ключница; тамъ стояла печка на своихъ четырехъ чугунныхъ ногахъ, и была такой-же величины, какъ снѣжный болванъ.

— „Боже! что это со мною дѣлается? Какъ у меня внутри, тамъ, что-то странно трещить!“—сказалъ онъ.— „Неужели я никогда туда не попаду? И неужели мое невинное желаніе никогда не исполнится?... Мнѣ надо туда попасть, мнѣ надо къ ней прислониться, хотя бы даже пришлось проломить окошко“.

— „Пустое желаніе, ты не можешь и не долженъ этого желать!“—сказала цѣпная собака.—„Если-бъ ты подошелъ къ печкѣ, такъ тотчасъ же убрался бы... Вонъ! вонъ! безмозглый!“

— „Я и безъ того кажется убираюсь вонъ! — возразилъ снѣжный болванъ,—мнѣ кажется, я таю“.

Весь день снѣжный болванъ смотрѣлъ въ окошко. Въ сумерки комната показалась еще заманчивѣе; печка свѣтила хотя и ярко, однакожь не такъ, какъ солнце и мѣсяцъ; печка можетъ только свѣтить, когда у ней

глотка набита дровами. Когда отворяли и запирали дверь въ комнату, у ней каждый разъ изо рту вылетало пламя, — у печки была уже такая привычка, — пламя вспыхивало краснымъ огнемъ по бѣлому лицу снѣжнаго болвана и сіяло отливомъ на его груди.

— „Ахъ! мнѣ больше этого не вынести, у меня текутъ слезы, когда она вытягиваетъ свой языкъ!“ — говорилъ болванъ.

Наконецъ печку закрыли. Ночь была темная и длинная, но снѣжному болвану она не казалась длинна: онъ стоялъ погруженный въ свои собственные мысли, которыя мерзли такъ, что даже трещали.

На другой день утромъ окна подвальной квартиры были покрыты самыми прелестными ледяными узорами и цвѣтами, какихъ только можетъ желать снѣжный болванъ, но они собою затмили печь. Стекла цѣлый день не оттаивали, и онъ не могъ видѣть печку, которую представлялъ себѣ такимъ милымъ женскимъ существомъ. У него внутри и около него хрустѣло и скрипѣло; былъ какъ разъ такой морозъ, какому долженъ радоваться только снѣжный болванъ. Но онъ не радовался — да и какъ могъ онъ радоваться, не видя болѣе печки!

Бѣдный болванъ захворалъ ужасной болѣзнью: у него была тоска по печкѣ!

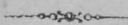
— „Это плохая болѣзнь“ — сказала цѣпная собака... — „Я сама страдала этой болѣзнью, но пересилила ее. Вонь! вонь! лучше изъ памяти вонь!.. Однако-же у насъ будетъ переменна погоды!“ — прибавила она.

И въ самомъ дѣлѣ погода перемѣнилась: наступила оттепель.

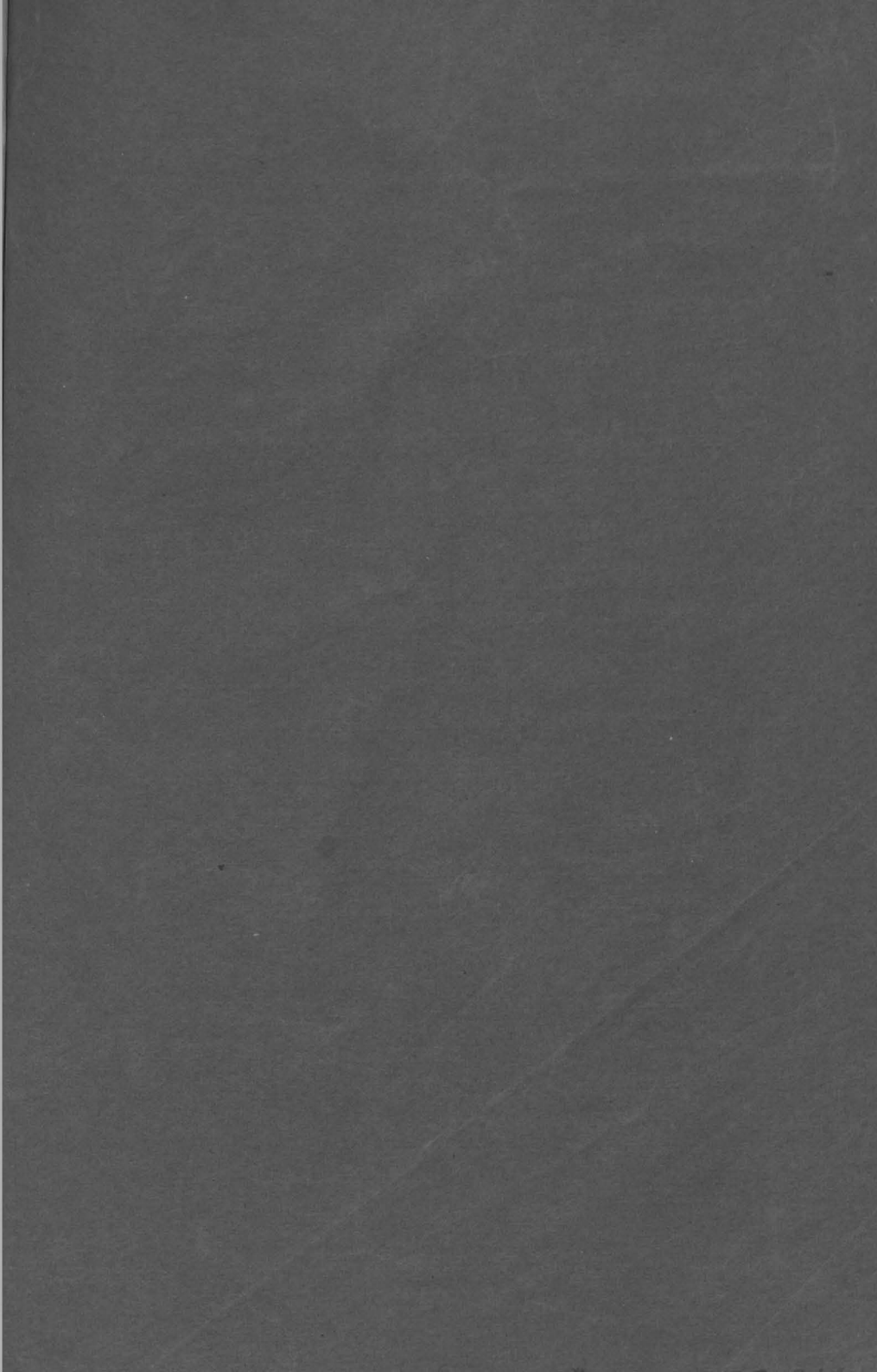
Снѣжный болванъ таялъ. Онъ ужъ ничего не говорилъ и не жаловался,—а это самый вѣрный признакъ разрушенія силъ.

Въ одно утро онъ совсѣмъ растаялъ. И вотъ тамъ, гдѣ онъ стоялъ, теперь торчала палка, съ желѣзной печной кочергою наверху.

— „А!... вонъ оно что!... теперь-то я понимаю, отъ чего у снѣжнаго болвана была такая сильная тоска по печкѣ!...“—сказала цѣпная собака. „И такъ, у снѣжнаго болвана былъ во чревѣ печной скребокъ! — Такъ вотъ что у него внутри шевелилось!“—При этомъ размышленіи собака жалобно завывала... — „Ну, что-же дѣлать? всему конецъ. Теперь это прошло, вонъ! вонъ!...“—На дворѣ уже стояла весна!.. Вскорѣ и цѣпная собака забыла про снѣжнаго болвана.

2771 - v. m. 1773

Во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ, поступили въ продажу двѣ книжки подъ общимъ заглавіемъ:

«СКАЗКИ И РАЗСКАЗЫ» ДЛЯ ДѢТЕЙ:

- 1) „Приключенія Барбоски“ оригинальн. текстъ и рисунки Р. К. Жуковского, изданіе Маріи Жуковской 50 к.
- 2) „Елена и Сѣжанный болванъ“ двѣ сказки Андерсона рисунки Р. К. Жуковского . . . 50 к.

За этимъ послѣдуютъ, между прочими сказками, два оригинальные разсказа съ рисунками того-же автора:

- 1) „Исторія жеребца Прыгунъ“.
- 2) „Чучело Гороховое и его приключенія“.

Оптовая продажа по Графскому переулку д. № 11,
въ кв. № 28.